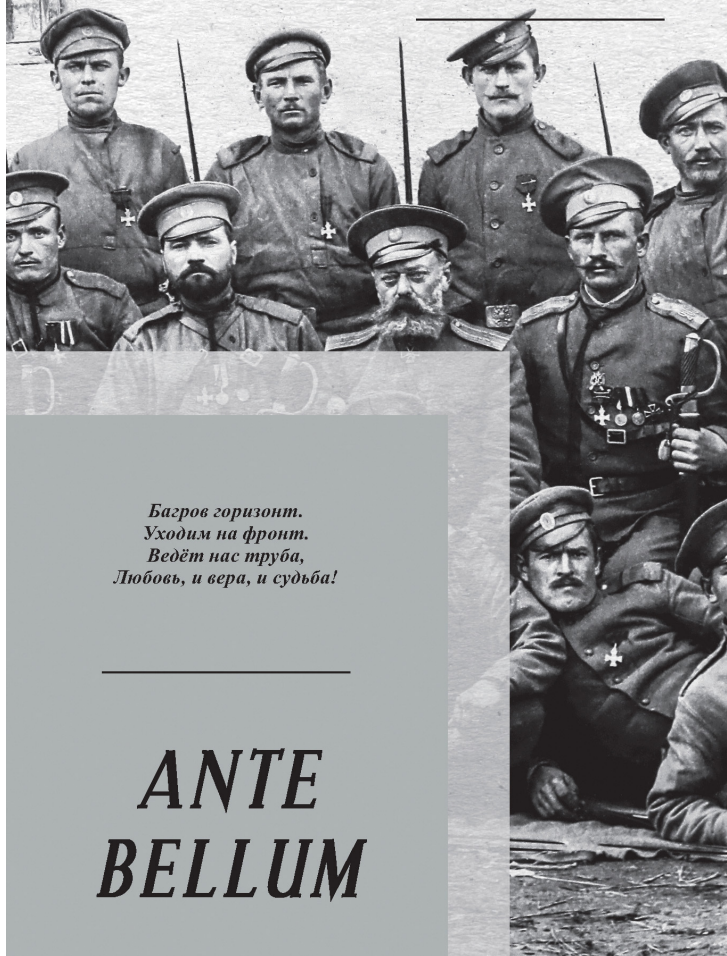

18+

**ТИМОФЕЙ
СЕРГЕЙЦЕВ**

*Багров горизонт.
Уходим на фронт.
Ведёт нас труба,
Любовь, и вера, и судьба!*

**ANTE
BELLUM**

Тимофей Николаевич Сергейцев
ANTE BELLUM. Стихи
Серия «Покет. Стихи (Питер)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69415999

ANTE BELLUM. Стихи: Лира; СПб; 2023

ISBN 978-5-6049588-2-7

Аннотация

ANTE BELLUM – сборник стихов Тимофея Сергейцева, объединивший в себе творчество автора за многие годы. В книге можно встретить стихи с 1983 по 2022 г. Публицист и политолог Дмитрий Куликов говорит о стихах Тимофея Сергейцева, что это «настоящая вершина отечественной патриотической лирики и нерв переживаемого Россией исторического момента».

Содержание

Вера	6
«На верхушке холма...»	8
Урожай	10
Над полем	12
Песни нового века	13
Утренник	13
Прощание славянки	14
Сирийская песня	16
«Луну подали, как яблоко...»	19
Ж/д платформа утром	20
Наследие	21
Бессонница	22
«Вертится круг... Вот и за полночь...»	22
«Я превращаюсь в зрение и слух...»	23
«Я видел сон – таинственный цветок...»	24
«Прохвачены ветром, пылают всю ночь...»	25
Прощание	27
«Тем обретая право на прямую речь...»	28
Siamo poi	29
Пирушка	31
Цензура	33
Летний полдень	34
Сравнение	35

Дорога в дюнах	37
Жар	39
Жар	39
Драгоценная Джейн	40
Добрый Бобби	41
Барьер	42
Война	43
Война	43
Горение	45
Чистилище	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Тимофей Сергейцев

ANTE BELLUM. Стихи

Часть средств от продажи книги будет перечислена в библиотечные фонды территорий, пострадавших от военных действий.

© ООО «Ли́ра», 2023

© Тимофей Сергейцев, 2023

Вера

Памяти отца

Мы, крестьяне, не боимся
бедной старости и смерти.
Вот помолимся – и с Богом,
на погост, в недалний путь.
Боже глянет из-под нимба,
Тихо скроется за дверью,
Глянь – а Он уж вдоль дороги
В каждом вязаном снопу.

На стогах и в павших листьях.
В мёрзлых лужах и позёмке.
Вьюгой воет над могилой.
Первым сеется дождём.
Он, как был, остался жизнью.
Даже под землёй в потёмках
Наполняет корень силой
И родник, который пьём.

А когда небес не станет,
Упадёт луна на землю
И, свернувшись пенкой, звёзды
Ухнут в страшную дыру —

В полевом очнёмся стане,
Где от жара нива дремлет,
Урожай созрел, не поздно
Свадьбе вспыхнуть на миру.

Время катится по кругу.
Стрелкой ползает по лимбу.
Всё ушедшее вернётся.
Словом, вовсе не умрёт.
Бог возьмёт нас на поруки
И не разрешит погибнуть.
Солнце весело смеётся,
Всё-всё зная наперёд.

12.10.2022

«На верхушке холма...»

На верхушке холма,
ровно срезанной посохом Зевса,
есть пшеничное поле,
распростертая к небу ладонь, —
мой крестьянский ответ
притязаниям всех базилевсов,
мой последний приют,
мой погост,
мой сигнальный огонь.

Я поджѐг урожай —
что ж,
над ним выгорают и звѐзды:
то, что сеял Господь,
Он однажды вот так же спалит.
Птицы вьют временами
им не нужные в будущем гнѐзда.
Разве мы не похожи на них,
хоть у нас позади неолит?

Пусть глядит на меня
безразмерный
чудовищный космос,
пусть мой малый посыл

затеряется в угольной мгле,
и сплетутся с бурьяном
упрямые волосы-космы,
но я жил, как хотел,
на прекрасной жестокой Земле.

2016

Урожай

Август полон яблок, мёда,
дынь, арбузов, апельсинов,
нежных персиков, инжира
и чего-там ещё.

Здесь кончается свобода.
И отец, прощая сына,
вдруг утратил тяжесть мира,
весел и слегка смущён.

Август – время тренировок
перелётных птиц отважных,
не орлов, не наглых чаек,
но стремительных, как нож.

Сын его и смел, и ловок,
чужд торговых дел бумажных,
не закрутишь больше гаек,
не исправишь, ну и что ж...

Корабли ушли. И пусто.
Онемело тело жатвы,
сена, ягод винограда.
Самогонный никнет дым.

Сын – поэт, он любит чувство.
Не вернётся, не даст клятвы.
В небе все его награды.
Вечно будет молодым.

По деревне ходят враки,
духи спирта и аниса,
новостями вертят ловко —
как хвостами у коров.

Сын истерзан в пьяной драке,
в исступлении Диониса.
И поможет только слово.
Только рифма. Только кровь.

Хлопнув стопку зивании,
старый дед бредёт сквозь море.
Не накатит, не наступит
злое бремя сентября.

Пусть утешится Мария.
Пусть ошиплет это горе.
Сварит и утопит в супе.
Зря, сынок мой милый, зря...

Над полем

Над полем, распаханном жаждою хлеба,
Над морем, взволнованным жаждою неба,
Над городом, ждущим паденья небес,
Над скалами, где обрывается лес,
Есть древний, проверенный ангелом путь.
Он ветром в твою упирается грудь.
Он выписан светом на звёздном узоре.
Пока ты работаешь в этом дозоре,
Ты с лёгкостью будешь его находить —
По судьбам людей путеводную нить.

Вот только когда ты захочешь уйти,
Придётся забыть о надёжном пути.
Идя по просёлочной пыльной дороге,
Поймёшь, что отпущено очень немного
Нам времени на поднебесной земле,
А чей-то запас — вообще на нуле.
Примерив пропорции ангельских лоций
К запутанным тропам звериных эмоций,
Внезапно почувствуешь, словно ожог:
Удел человека — разбег и прыжок.

Песни нового века

Утренник

Белый камень. Золото.
Синяя река.
Серп кровавый с молотом.
Твёрдая рука.

Где же ты, империя?
Где железный щит?
Сталин где? Где Берия?
Брежнев крепко спит.

Гонки за лафетами
Нам не одолеть.
Ласками, приветами
Так уютна смерть.

Знайτε, дети, – здорово
Жить, как жили вы.
Золото на олово
Разменяли мы.

Прощание славянки

Приближается час испытания.
Мирной жизни закончился срок.
С Божьей волей всё ближе свидание
И истории новый урок.

Вихри штормов и бурь бушевали
Над простором родной стороны.
Воедино собрать не пора ли
Все осколки великой страны?

Багров горизонт.
Уходим на фронт.
Ведёт нас труба,
Любовь и вера, и судьба!

Цветёт моя страна.
Настанет Победы весна.
И мы вернёмся, навстречу солнцу,
Воспрянем от чужого сна!

Встань и вспомни, кем ты был всегда!

Править нами обманом и подлостью
Не позволят ни предки, ни царь.
Русской правдою, честью и совестью

Мы сильны, наши братья, как встарь.

Дважды немца солдат наш отваживал.

Биты турок, поляк и француз.

Скандинав триста лет не захаживал.

Страшен бриттам российский союз.

Мы пойдём за колонной колонна.

Пусть над нами рокочет гроза.

Воля наша теперь непреклонна,

Смерти смело посмотрим в глаза.

Зря нацелена в сердце измена.

Наша верность, ты с нами всегда.

Перед Родиной склоним колена.

Пред врагами её – никогда!

Лето 2009

Сирийская песня

Мне жаловалась мать,
Что жить одной нелепо,
Там, где была семья,
Остался только ад.
А у меня есть сад,
Клочок земли в Алеппо,
Вот за него-то я
И буду умирать.

Когда приносит нам
Горячий южный ветер
Дыхание пустынь,
И на зубах – песок,
Нам нестерпима синь,
Нам снится белый север,
Пульсирует висок
И не горчит полынь.

Всевышний навсегда
Велел лелеять землю.
И тихие слова
Он говорил не зря.
Как горизонт заря,
Они меня объемлют.
Они – как жернова

Сизифова труда.

Убрал мой виноград,
Я выслушаю предков.
И сделаю всё так,
Как повелел отец.
Нас побивает град.
Сжирает без объедков,
Мы знаем свой конец
И не хотим наград.

О, молоты войны...
Кующих сталь победы
Не разглядеть в дыму,
Не вынуть из могил.
Они давно мертвы —
Как боги Старшей Эдды.
Мы выбрали чуму.
Что выберете вы?

Мы – вертоград богов.
Обильной будет жатва.
И кровь, как виноград,
Созрела для вина.
Не наша в том вина,
Что эта божья жажда
Открыла двери в ад.
Я к этому готов.

2012

«Луну подали, как яблоко...»

Луну подали, как яблоко
На площади серебряном блюде.
Улицы светом обужены.
И ничего неизвестно о людях,
В домах собравшихся к ужину.

Миллионы ёлочных блёсток —
На стеклянной воде каналов,
В цветных аквариумах киосков —
Рыбы газет и журналов.

Автобус слизнул с ладони остановки
Последние бусины пассажиров.
В аптечной витрине тёмные полки
Мерцают огнём эликсиров.

Утренним хлебом не пахнет пекарня.
И город игрушечный – только дунь,
Качается, как китайский фонарик,
Опущенный ночью в июнь.

1.05.1983

Ж/д платформа утром

Алмазных звуков в воздухе камня
Уложены уже в такую рань.
Мороз звенит и правит филигрань
Шагов, свистков, ударов, криков, пенья.

Прозрачного стекла дрожанье и движенье
Невидимых мембран. И в гранях их
Пространство осязает отраженье
Звучаний, гул которых стих.

Но нервно вздрогнет рельс – и вдаль бежит мгновенье
Щелчком – в такую рань, в такую глушь.
И панцирь льда застыл в оцепенении,
И голая земля – как пролитая тушь.

конец апреля, 1984

Наследие

Здесь пыль перебивает запах голосов.
И в глубине мерцает дверца шкафа.
Безмолвны книги. Шеею жирафа
С камина вытянуто тиканье часов.

О, дух людей... К вопросам нет ответов.
Перед тобой растёт, зловещ и тих,
Бесформенный, ужасный дух предметов —
Жизнь мёртвого в пост-смертии живых.

13.07.1984. Челябинск

Бессонница

«Вертится круг... Вот и за полночь...»

Вертится круг... Вот и за полночь. Кто-то не спит.
Что под рукою рождается – того не знает гончар.
Кто в переплёты окна осенним ветром стучит?
Где-то цветёт, задыхаясь ядом, древо анчар?

Мысль не окончена, строчку ещё написать,
а под рукою перо новый кончает листок.
Но невозможно теперь ни с начала начать,
ни оборвать рассужденья медлительный срок.

Безвременье длится ночное, его не рассечь по часам.
Маятник тщетно стучит, шагов не расслышит никто.
И только ветер ведёт рукою по волосам
кого-то, кто всё стоит и стоит
в осеннем и тёмном пальто.

2.05.1984

«Я превращаюсь в зрение и слух...»

Я превращаюсь в зрение и слух,
И, растворяясь в снежных струях,
Душа над миром глухо торжествует,
Так и не выбрав одного из двух.

Прорвав сухую логику грамматик
И отрекаясь от постельных нег,
Она теперь свободна, как лунатик,
И всеобъемлюща, как снег.

Молчанье – снег. Гуляет фокус вьюги.
Я вижу сквозь него пустынный двор:
Пурга чертит задумчивые круги,
Латая белым полуночный вздор.

И я лечу – над городом, всё выше,
В порывы ветра, в снег. И в свой черёд
Метель идёт, идёт по крышам,
Сопровождая мой уход.

4.05.1984

«Я видел сон – таинственный цветок...»

Я видел сон – таинственный цветок,
Не спящий по ночам, он так боится света,
Что вздрагивает всякий раз, когда комета
Пересекает времени поток.

Бессонниц пьётся звёздное вино
До света утра, до изнеможенья.
В беспамятстве усталости оно —
Небесной сферы головокруженье.

Я вновь причислен к тем, кому дано
Не вся, но всё – и гений-покровитель,
И снег, и дождь, летящие в окно,
В мою убогую обитель.

Гуляет ветер. Тяжек шаг ходьбы.
И лестниц вверх так изнурительны ступени.
О, острие труда! О, лезвие терпенья!
О, неподъёмный шар судьбы...

30.05.1984

«Прохвачены ветром, пылают всю ночь...»

Прохвачены ветром, пылают всю ночь
Сады, и о чём-то бормочет толмач.
Но спутанной речи не в силах помочь
Деревьев и листьев полуночный плач.

Дойдя до упора во вздоре ночном,
Бессмыслицы нити сведя к острию,
Я жизнь драгоценную там, за окном
Во взгляде и вздохе листвы узнаю.

За строки мои, за зеркальную грань
Пусть отблеск наряда её проскользнёт.
Мелькнёт и исчезнет в рассветную рань
Проснувшейся ласточки первый полёт.

Бесценное бремя, из трепетных рук
Тебя выпускаю я, словно птенца, —
Как шорох одежды и голоса звук
Из тающей памяти, образ лица...

Но главный ещё впереди разговор.
Зелёная жизнь, я разбужен тобой
И с детства затянут в отчаянный спор

Меж долгом, делами отцов и судьбой.

21.06.1984

Прощание

Один из нас, не помнящий родства,
Уйдёт к пределам, зов которых вечен,
И внутренним разладом торжества
Печальный праздник будет наш отмечен.

Прощание и нас включает в круг
Иного, высшего неизмеримо братства,
И нам самим приоткрывает вдруг
И чувств, и мыслей тайные богатства.

Им речь дана, им вторит праздник наш.
Его конец – прекрасное забвенье:
Нам истина, увы, не суждена,
Но мы – присутствуем при откровеньи.

Всю ночь листва шумит, а у ворот,
У входа в сад – лишь утро чуть забрезжит,
Тебя мальчишество разбуженное ждёт,
И жизнь, как птицу, на ладони держит.

16.03.1986

«Тем обретая право на прямую речь...»

Тем обретая право на прямую речь,
В грамматику любви вникая еженощно,
Я мог бы тайный случай подстеречь
И описать его предельно точно.

Стихам небезразличен ход судеб.
Они б и сами выбрали мгновенье,
Но я крошу их, словно хлеб,
Бросая птицам на съеденье.

Не так уж хищны эти летуны,
Но крови вид даёт их перьям трепет,
Ведь пищей им – влюблённые вруны,
А их простор – отчаяния степи.

Беспечность милая! Не выдержать разлук
С тобой. Но кроясь за намёком,
Не выберешься, не пройдёшь к истокам,
Пока судьба натягивает лук.

4.12.1987

Siamo noi

Надёжней писать о погоде,
Чем о сердечных страстях,
И трудно признать при народе,
Что любишь какой-то пустяк,
С которым не стоит и зняться,
С которым носиться смешно,
И странно, и больно мне, братцы,
И кажется, даже грешно.
Но я утверждаю, что это
Единственный наш аргумент —
Случайное слово поэта
Есть тот неземной элемент,
Что держит системы созвездий
И завиток ДНК,
Записан на стенке в подъезде,
В скрижали внесён на века.
Мы только по прихоти Бога
Живём на границе границ,
Ступенью стоим у порога,
Мы в книге из многих страниц —
История из середины,
Неясная, как миттельшпиль,
Мы вроде бы с ветром едины,
И нас окружающий штиль
Нам кажется вечной картиной,

Написанной только для нас...
Мы сами пустяк. Мы лишь глина —
И в профиль, увы, и анфас.
За росчерк пера, за намёки,
За редкий и сладостный дар —
Быть словом, мы выдержим сроки
Томительной ссылки сюда,
Где только в моменты наитий,
Внезапно касаясь основ,
Волшебной божественной нитью
Мерцаем в прорехах миров.

2014

Пирушка

Собрались поэты как-то в осень
Покутить под лёгкую прохладу.
Что ж, никто за это с них не спросит.
Может, сложат гимн или балладу.

Нервно трепетали мыслей листья,
Лепестки расстроенного чувства.
Что поделать, если собрались мы
На закате древнего искусства.

И один из нас, откинув тогу,
Наливая от души цыкуты,
Вдруг увидел дальнюю дорогу
В дальнотзорный объектив минуты.

А другой уж тем ему ответил,
Что шагнул в межзвёздное пространство.
И теперь, как солнце, жгуч и светел,
Согревает северное царство.

Так и разошлись почти под утро.
Нет ни чайки на пустынном пляже.
Весело горела Камасутра.
Не осталось даже пятен сажи.

Не жалеите позабытых песен.
Место их – за пазухой у Бога.
Мир телесный скучен, зол и тесен?
Нет, не верьте сплетням демагога.

Мир лежит в ладони у поэта —
Грёзами отравленная пуля.
Но судить нас будут не за это
Медленным томлением июля.

Лишь за самые наивные догадки.
Лишь за то, чего уже не будет.
За пустой листок в конце тетрадки.
За улыбку плюшевого будды.

2019

Цензура

Пьют румын и цыган, да, пожалуй, валах,
Что ещё тут осталось от Рима?
Где пуркарские лужи на грубых столах,
Там и запах овечьего дыма.

Напиши мне недлинной строкой меловой,
Приглашая отведать загадку.
Мы отпустим охрану и даже конвой,
Расположим стихи по порядку.

Если небо вмещает и камень, и снег,
Если можно прикрыть облаками
Восходящие блики изысканных нег —
Можно нежное трогать руками.

Но словами – словами нельзя, дорогой.
Это очень большая ошибка.
Пьёт и слушает песню столичный изгой,
Что пиликает пьяная скрипка.

2020

Летний полдень

Прикован скелет к пулемётной турели
Бетонного ДОТа последней войны.
А в щель виден лес, где дудит на свирели
Настойчивый фавн – да и нимфы видны.

Чем заняты нимфы с настойчивым фавном,
Того пулемётчику знать не дано.
Немецкий мыслитель, он мыслит о главном,
Упёршись в сознания самое дно.

А к фавну и нимфам понятие цели,
Понятие пули пока не пришло.
Смолою исходят душистые ели.
И в небе высоком висит НЛО.

2017

Сравнение

Прошедший век кровопусканий,
Где твой спасительный ланцет?
Допустим, кто-то жил в Тоскане,
С улыбкой солнца на лице.

Другой, кайлом ломая уголь
На километре глубины,
Загнав заряды в тушку Пуго,
Благодарил и свет луны.

Им было что сказать друг другу
Под Сталинградом и в аду.
И рвали лошади подпругу,
И гибли ангелы в саду.

Теперь, как мухи в паутине,
Как пища бога-паука,
Семь миллиардов в карантине
Уже не вспомнят языка

Прикосновений. Вкуса крови.
Горячки. Похоти. Любви.
Ни тёщи им и ни свекрови,
И ни кузена визави.

До откровений Иоанна
Осталась вечность или год.
Патриций предпочёл бы ванну.
Войну бы предпочёл народ.

май 2020

Дорога в дюнах

Завален снегом финский горизонт.
От Выборга и вплоть до Абырвалга
Поёт чухонец строки Доризо.
Латышский статус смутно помнит Валга.

Был выстрелом уложен холостым
Наш старый мир, любезнейшая Илзе.
Но хоть своди, хоть разводи мосты,
Зачем на память мы не взяли гильзу?

Балтийский берег в свой янтарный сон
Увлёк останки красного матроса.
Бежавший в Ригу гоголевский нос
Безжалостен, как в шторм обрывок троса.

Надменно правит гордый лимитроф.
Сыны крестьян угодливо послушны.
Им стал приятен строй нерусских строф,
Им воск Европы нежно входит в уши.

Волна на берег шлёт густой туман.
Цена на нефть ползёт по стёклам мухой.
И дряхлый сейнер прежний капитан
Ведёт к салаке мрачной силой духа.

23.11.2017. *Puza*

Жар

Жар

Камень выдолблен телегой.
Сохнет дохлая ворона.
Жаром дышит неба нега
Над Ареной ди Верона.

Пахнет кровью и железом.
«Или Roma, или Morte!» —
Пред толпою веронези
Гарибальди рвёт аорту.

Строить надо капитально.
Вот хотя б как Скалигеры.
Много разных есть Италий
До и после нашей эры.

Мрамор мостовых щербат тут.
Рукоять клинка живая
Жмёт ладонь, взымая плату,
Если равноуважаем.

Драгоценная Джейн

На ирландской башке
Кепка крепко сидит —
Обретаётся шкет
Не в республике ШКИД.

Папа с мамой в ИРА.
Дед да дядя в Шинн Фейн.
Разве это игра,
Драгоценная Джейн?

Нам с английской ноги
Не нужны сапоги.
Не откроешь торги
В сердце русской пурги.

Кровь стекает, как мёд,
Оттого, что мороз.
Понапрасну не льёт
Слёз католик Христос.

Добрый Бобби

Никогда я не был в Ливерпуле.
Никогда не веровал в битлов.
Ливер кокни распахала пуля.
Кокни кокнут. Полностью готов.

Нет, ему сегодня не до «Битлз»,
Не до безотказной «Йестердей».
Он почти уже наружу выполз.
Кокон пуст – и кокон стал ничей.

Кто завис над пролитым напитком,
Над собой, над мокрой мостовой,
Харкнет в харю мелким недобиткам.
Бедолагу выведет конвой.

У конвойных перья словно уголь.
И кружат над ними пух и снег...
«Нечего про это все гуглить», —
Добрый бобби мне сказал во сне.

декабрь 2021

Барьер

Было б глупо, небесный мотив уловив,
Отказаться сойтись у барьера.
Вертикальный балтийский холодный прилив
Колыхался тяжёлой портьерой.

То ли порох намок, то ли сточен курок,
Не кремьень ли украли цыгане? —
Я не выстрелил первым. Закончился срок,
Отведённый герою в романе.

Наши девы такое припомнят о нас,
Что не всякий одобрит, пожалуй.
Мы могли бы сыграть – скажем, соло и бас,
Сжав мелодии медное жало.

Но чему не бывать, то и будет потом.
Станет веком, эпохой, былиной.
И хватает мой друг снег распахнутым ртом,
Клин пытаюсь довышибить клином.

Война

Война

Война отравила поля.
Луга и леса. Водоёмы.
У ней накладная коса,
Бюстгальтер —
С чугунным подъёмом.

У тех, кто женат на войне,
Рождаются мёртвые дети.
Война говорит на койне.
И предпочитает береты.

Развода она не даёт
Ни прошлым, ни будущим павшим.
Война любит крики «Вперёд!»
И траурно-бравые марши.

Как трещина, что в небесах,
Проходит сквозь скалы и земли.
И сердцем лежит на весах,
Что жизни уже не приемлет.

Нет, нам её не обойти.

Не выгнать взашей. Не умаслить.

Война – это наши пути.

Пенаты и детские ясли.

Что ж, станем достойны войны,

Раз мир недоступнее счастья.

О нём будут вещие сны.

О солнце в пучине ненастья.

Горение

Сгоревшие танки – игрушки богов,
разбросаны по полу. Встали по росту
сожжённые люди без ног и голов,
покрытые угольной твёрдой коростой.

Как строчка, которую анжамбеман
не сможет продолжить. И шрамы окопов
дождями не вывести с кожи холма,
не вылечить землю без хлябей потопа.

Чириканье птиц оживляет пейзаж.
Лишь небо оставлено в веденье рая.
И радиоволны, что шлёт экипаж,
с шипением в райском сиянии сгорают.

Чистилище

Мой легион идёт по небесам.
И рать небес дрожит и отступает.
Не верил я – а нынче вижу сам:
Сложилась тут планида непростая.

Богам конец. Остался лишь закат.
И облака смыкаются сурово.
Как павший рассказал один солдат,
Нам чувства врут, но в том-то и основа.

К примеру – меч, что прост и прям, как ум
Легионера. Он разит неплохо.
Нам объяснили: мы штурмуем Doom.
А как пройдем – закончится эпоха.

И нас переведут совсем наверх,
Где были звёзды. Тьма и паутина
Заклеят рот. Но только верный стерх

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.